

ВВЕДЕНИЕ к жизнеописанию Фон-Визина

(Окончание)

Замечательно, что сношения, завязавшиеся между Россией и представителями европейского просвещения, не были зачаты и продолжаемы с обеих сторон равными договаривающимися лицами: с одной видим литераторов, с другой двор и вельмож. Представители нашей литературы не были участниками в деле, которое, казалось, должно было быть ближе к ним, чем к тем, которые были на виду²⁶. Литература и литераторы наши оставались в стороне. Даже и в то время, когда один из полномочных французской философии, Дидерот²⁷, приезжал в Россию, то и тут не последовало никакого сближения между им и нашими авторами. По крайней мере не отыскиваем ни одного следа тому ни в сочинениях Дидерота, ни в сочинениях соотечественных. Кажется, то же можно заметить и относительно к пребыванию Альфиери²⁸, Бернардена де Сен-Пьера и других известных писателей, посещавших Россию в прежние года. Все это подтверждает доказательство, что между литературою нашею и нашим обществом не было ничего взаимного; что на нее не действовали обыкновенные приливы и отливы общежития; что как наше Русское²⁹ или Азовское море чуждо сего движения, общего другим морям, так и литература русская, не подверженная повсеместному закону, пребывает до времени в

тишине бездействия, стихиею отдельною и неподвижною; что если могли мы заметить, как указали выше, некоторое действие, сотрясение, некоторое преходчивое впечатление, прозведенное обществом или почти исключительно двором в явлениях литературы нашей, или вернее сказать, поэзии, то в самом обществе не найдем мы признаков, что литература отечественная входит в состав гражданского быта нашего, в число богатств нашего нравственного достояния. Изыскать и означить причины явления сего — вовлечет в исследование слишком глубокое и многостороннее. Довольно указать на иные, которые более других на виду и едва ли не богаче в последствиях. Недостаток в основательном учении, недостаток в звании, которое по месту своему в чиновном гражданском могло бы исключительно посвятить себя трудам ума и видело в них единую цель, доступную честолюбию, свойственному всем званиям; обязанность дворянства, более или менее, но вообще грамотного, служить и алчная нетерпеливость быть офицерского чина в лета, когда еще не стыдно быть слушателем университетских лекций,— вот, без сомнения, одни из главных причин застоя нашего в движениях мысли и творческой деятельности. От сих причин, несмотря на исполинское движение, данное России Петром, поощренное Екатериною и осененное покровительством преемников их, нет у нас еще донныне литературы истинной, полной, коренной, литературы, которая была бы живою отраслью государственного благоденствия и

непосредственным существованием людей, служащих отечеству трудами ума своего, как воин служит ему на поле брани, судия в храмине закона, торговец на стезе промышленности.

Сии соображения, сии применения наблюдений общих к положению частному, в котором находимся, родились в уме моем при мысли обозреть жизнь и труды Фон-Визина. Готовясь к сему

43

начертанию, мне хотелось вникнуть в свой предмет, обойти его со всех сторон и коснуться до пределов, ему соприкосновенных. Я не боюсь протяжения и плодovitости, может быть, оттого, что не умею быть кратким. Любя видеть в литературе не одну науку слов, но и науку жизни; не науку, действующую в обведенном очерке и одиноко служащую себе средством и целью, но науку всеобъемлющую и вездесущую; помня, что если, по выражению Бюффона³⁰, *в слоге весь человек* (*le style cest l'homme*), то в литературе весь народ, я должен был решительно приступить к исследованию подлежащего запроса, не стесняясь схоластическими формами и этикетом академического благочиния.

Вот, так сказать, оглавление соображений, которые должны были служить мне руководствами в моих изысканиях и в согласовании оных.

Фон-Визин — один из малого числа писателей наших, которые выразили себя в

сочинениях своих: сочинений его немного, это правда, но он умел быть оригинален посреди подражателей. Главные творения его имели много успеха в свое время; они носят штемпель ума и эпохи его, не утратили и ныне ходячей цены и сохранились в народном обращении.

Фон-Визин жил в царствование Екатерины. Екатерина любила ум не только за границею, но и у себя дома; покровительствуя ему в чужих землях, благодетельствовала она ему и в отечестве. Примеры покровительства, оказываемого царями дарованиям и отличиям природным, нередки: во власти есть обыкновенно тайное начало великодушия, возвышенное сочувствие, которые понимают возвышенность и готовы сблизиться с нею; но двор Екатерины представляет нам исключение, ему свойственное³¹. Вельможи, любимцы власти, разделяли с Екатериною благоволение ее к людям, кои соперничествовали им на поприще вовсе отдельном, противопоставляя аристократии породы и чинов отступную, непокорную аристократию ума и дарований. За границею ездили они на поклон к фернейскому отшельнику³², отшельнику нового рода, который имел свой двор и своих ласкателей; задирали учтивостями и ласками всех чужестранных баловней литературной молвы и в своем отечестве не чуждались общества, а напротив, искали приязни людей, заслуживших известность умом и несколькими остроумными страницами или счастливыми стихами.

Фон-Визин был современником эпохи благоприятной, был действующим лицом на сцене петербургской, в сей сфере деятельности русской, в сем средоточии русской гражданственности; он был преимущественно писатель драматический и сатирический, следовательно, живописец и поучитель нравов.

Обозревая сии объемы, я говорил себе, что из биографического портрета Фон-Визина может выйти историческая картина общества. Но после многих исследований и применений не нашел и связи и полноты в предмете своем, растворенном на все стороны. В обществе не дознался я отголоска Фон-Визина и в самом Фон-Визине отыскал я мало отпечатков общества. Например: комедии его не картина нравов, господствовавших в обществе: некоторые из списанных им, соглашаюсь, и верны и подсмотрены с природы; но истины сии суть почти отвлеченные, отдаленные, без живого применения к лицам, для коих они писаны были, пред коими были представлены. Комедии Фон-Визина были читаны и играны в столицах: театров по губернским городам, домашних театров тогда если и было, то весьма не

много, следовательно, настоящие Простаковы в глуши губерний и деревень, вероятно, и не знали, что двор смеется, глядя на их изображения. Вероятно, были недоросли и бригадиры и в числе зрителей комических картин Фон-Визина, но

комик колол не их глаза. Смех их был оттого добродушнее, но менее было и пользы. Следовательно, и здесь автор и публика его не были в непосредственном соприкосновении. Но довольно: к комедиям Фон-Визина возвратимся в свое время.

После продолжительного введения пора приступить к самому предмету, подлежащему рассмотрению нашему: жизни и литературным трудам Фон-Визина. И здесь придется нам сетовать о скудости способов: применять жизнь действительную к явлениям жизни умственной. Биографические материалы у нас так недостаточны, что при неимении принадлежностей и красок для написания исторической картины едва можем ли написать и портрет во весь рост. Наша народная память незаботлива и неблагодарна. Поглощенная суетами и сплетнями нынешнего дня, она не имеет места в себе для преданий вчерашнего.

К. Вяземский.